

Л.Р. Франгулян

ОТРАЖЕНИЕ ОБЩЕХРИСТИАНСКИХ ДРЕВНИХ СЮЖЕТОВ
И МОТИВОВ В КОПТСКИХ МУЧЕНИЧЕСТВАХ

В данной статье рассматриваются особенности агиографической традиции коптов, литература которых ориентировалась на греческие образцы, но не теряла самобытной окраски. Анализируемые персонажи, сюжеты и мотивы представляют собой примеры оригинальной переработки общехристианских топосов коптскими агиографами.

Ключевые слова: коптские агиографические циклы, эдикт Диоклетиана, завет святому, Юлий Акфахский, мученик древней Церкви.

Агиография на коптском языке – это пример одной из восточных традиций, судьба которой сложилась так, что уже в IX в. началась деятельность по систематизации и переписке существующих произведений, а литературная деятельность постепенно прекращалась. Последнее агиографическое произведение на этом языке относится к началу XIII в., когда все жители Египта уже продолжительное время пользовались арабским языком. Коптская Церковь прошла через много потрясений, а агиография помимо прочего была одним из инструментов, с помощью которого распространялись идеи, создавалась необходимая атмосфера. Сложным периодом для египтян-христиан были VII–VIII вв. после арабского завоевания, когда для агиографов стояла задача дать пастве духовную опору в меняющемся мире. Особенность агиографии коптов состоит в том, что в этот период получают широкое распространение своеобразные сборники-циклы текстов¹, объединенные общими сюжетами или упоминаемыми персонажами. Среди них для нашего исследования актуальны агиографические циклы, которые включают в себя мученичества в честь мученика древней Церкви.

В столь поздний период копты сформировали новую самоидентификацию своей общины, основанную на образе Церкви древних мучеников². Для коптских авторов было важно первоначальное эмоциональное содержание понятия «мученик древней Церкви»³, к которому авторы вновь обращались⁴. Во-первых, оно связано с победой христианина над своими недругами и проявлением долготерпения в бедствиях. Во-вторых, еще Евсевий Кесарийский отмечал, что больше всего мучеников при Диоклетиане было в Египте. Стойкость египетских христиан и их спо-

Франгулян Лилия Рубеновна – кандидат филологических наук, научный сотрудник Института востоковедения РАН.

¹ О разных взглядах на циклы, их оригинальность и датировку см. подробнее: Франгулян 2013.

² См. подробнее: Papaconstantinou 2006.

³ Papaconstantinou 2006, 73.

⁴ Кроме того, в христианских литературах разных традиций такой образ никогда не забывался полностью. В византийской литературе мы находим примеры этого среди произведений Петра Аргосского (IX–X вв.), Арсения Керкирского (VIII в.) и др. (Каждан 2012, 127–129).

способность переносить пытки были общим местом во времена поздней античности и в византийской литературе⁵. Ореол некогда гонимой и устоявшей Церкви тоже повышал статус ее и ее приверженцев. Нет ничего удивительного, что именно эту свою характеристику копты взяли за основу в условиях мусульманского владычества⁶. Так утверждалось право на существование и спланировалась община. Ориентир на славное и неоспоримое прошлое давал возможность авторам ощутить себя продолжателями традиции, а читателям – обрести духовную опору в меняющемся мире.

Примером увековечения памяти святого не только для коптской литературы, но и для всех восточных стали, конечно, памятники греческой традиции. Уже в новозаветном описании страданий первомученика Стефана (Деян. 7) можно отметить два важных для жанра сюжета: речь мученика перед гонителями и явление ему Христа перед смертью. Без сомнения, на становление жанра *martyria* оказали также влияние Вторая и Четвертая Книги Маккавеев, рассматриваемые многими греческими богословами⁷ как христианские произведения, а в их героях видели первых мучеников⁸, которые предпочли отступничеству смерть и прошли через пытки. В этих книгах содержатся такие элементы композиции⁹ мученичества, как предсмертные речи героев, пространные описания истязаний, восхищение мужеством мучеников, объяснение отличия такой смерти от других, обещание награды. Исследуя эпические мученичества на греческом, латинском и восточных языках, исследователь И. Делез составил перечень общехристианских топосов, характерных для этого жанра¹⁰. Стандартный вид композиции следующий: общие сведения о гонениях (эдикт, гонители) – сведения о будущем мученике – его арест и допрос – отказ святого принести жертвы идолам – пытки – тюремное заключение – небесные явления – снова допрос, пытки, тюремное заключение (эти события могут повторяться несколько раз) – казнь.

Напомним, что коптские авторы творили в эпоху, когда в основе творческого акта лежит образец – стилистический, жанровый, тематический, сюжетный и т.д. Идеал, норма и правило господствуют в этот период над индивидуальным проявлением авторских идей¹¹. Для писателей определяющую роль играет канон. Рассматриваемые коптские мученичества из циклов отличает высокий уровень шаблонности. Это свидетельствует о том, что коптам или были недоступны точные сведения о мучениках, или же они отсутствовали в принципе, поэтому авторы чувствовали определенную свободу при составлении мученичеств. При этом агиографы не добавляли никаких индивидуальных черт в свое повествование, так что говорить об авторском подходе в каждом отдельном случае не представляется возможным.

⁵ Papaconstantinou 2005, 212.

⁶ Б.А. Тураев, изучая древнеегипетскую литературу, отмечал, что в тяжелые времена египетские авторы всегда вдохновлялись образами героев славного прошлого и видели его в ореоле сказочного могущества (Тураев 1920, 226). Впрочем, это можно применить ко многим традициям.

⁷ Например, похвальные слова в честь маккавейских мучеников Григория Назианзина, Иоанна Златоуста, Амвросия Медиоланского, Августина Блаженного.

⁸ См. подробнее: Anderson 1992; Fischer 1992.

⁹ Элементами мы называем общие места, характерные для композиции текстов одного жанра. Они могут быть представлены сюжетами, мотивами, персонажами и т.д.

¹⁰ Delehayе 1921, 236–315.

¹¹ Аверинцев и др. 1994, 15.

Такая характеристика текстов может поставить под сомнение необходимость их изучения, но появление циклов мученичеств было обусловлено исторической ситуацией, а невысокий художественный уровень текстов говорит о том, что они были рассчитаны на непритязательного читателя. Занимательность же и разнообразие в подаче сюжетов были призваны облегчить восприятие назидательности. Т.е. композиция и стилистика этих мученичеств отвечали тем целям, которые ставили перед собой коптские агиографы.

Особенности коптской традиции проявляются в наборе элементов и способе преподнесения их читателю. Ряд сюжетов и мотивов, хотя и уходят корнями в общехристианское наследие, но имеют самобытную окраску, и именно они вызывают наибольший интерес. Рассмотрим некоторые из них. Экспозиция в рассматриваемых мученичествах представляет собой эдикт императора. Он знаменует начало гонений, становится неотъемлемой частью коптских *martyria*. Это постановление приказывает закрывать церкви, грабить и разрушать их, жечь священные книги, убивать священников¹².

Подлинный текст эдикта не сохранился, поэтому сравнить коптский вариант с оригиналом невозможно. Исторические источники свидетельствуют, что в своем эдикте император упоминал лишь известных до этого богов, таких как Юпитер, Марс, Меркурий и египетские Исида и Серапис, а все монотеистические культы были им запрещены¹³. Коптские авторы особо подчеркивают, что Диоклетиан установил почитание 70 идолов¹⁴, иногда уточняя, что половина их была мужского и половина женского пола¹⁵, сделаны они были из золота¹⁶, из камня и дерева¹⁷. Ни в трудах тех, кто был непосредственно свидетелем гонений при Диоклетиане («Церковная история» Евсевия Памфила, «О смертях гонителей» Луция Лактанция), ни у тех, кто писал позднее («Истории августов», приписываемые шести языческим авторам, «О цезарях» Аврелия Виктора), не упоминается этот факт, который характеризует коптскую традицию. В апокрифическом «Мученичестве Георгия» на греческом языке¹⁸ описано, как царь Дадиан¹⁹ вместе с 72 правителями установил почитание богов²⁰. В коптском переводе вместо 72 правителей фигурируют 70²¹, в «Энкомии св. Георгию» Феодота Анкирского – 70 вместе с Дадианом, и здесь же

¹² Например, МАН см. ниже сокр. f. 234; МЕв f. 53; МИ f. 2^v.

¹³ Berg-Onstwedder 1990, 99–100.

¹⁴ МА f. 69; МАН f. 233; МПиФ f. 59.

¹⁵ МАН f. 233; МА f. 69; МФ f. 95^r.

¹⁶ МШИБ f. 103.

¹⁷ МА f. 69; МАН f. 233; ЭМак f. 101.

¹⁸ Оно упоминается в списке нежелательных для прочтения книг в так называемом «Декрете о принимаемых и не принимаемых [Церковью] книгах» (ранняя редакция конец V – начало VI в.), приписываемом Римскому папе Геласию I. Детали и эпизоды этого мученичества приводятся по реконструкции, которую сделал И. Делеэ на основе нескольких источников (Delehayе 1909, 50–56). Нас интересует именно этот вариант, так как коптский перевод наиболее близок к нему.

¹⁹ Кто подразумевается под Дадианом (или, по другому написанию, Дакианом), не совсем ясно. В более поздней византийской традиции Дадиан заменяется Диоклетианом. Однако в коптских текстах они появляются оба, и говорить о замене не приходится. Возможно, имеется в виду Галерий Максимин, так как о нем известно, что он родился в Дакии, на севере Балканского полуострова (*Eutr.* IX. 22. 1; *Ps.-Aur. Vict. Epit.* 40. 16).

²⁰ Delehayе 1909, 51.

²¹ *The Martyrdom of Saint George...* 1888, f. 5.

упоминается их повеление почитать 70 идолов²². Возможно, упоминание 72 правителей в греческом оригинале привело к появлению в коптском тексте 70 идолов по числу правителей, а затем в традиции закрепились лишь идолы.

Отдельно следует рассмотреть коптский мотив завета мученику²³ от Бога, который Он оглашает и который становится неотъемлемой частью мученичества²⁴. Очевидно, такого рода заветы, в которых Бог что-то обещает чтущим святого – не коптское нововведение, если понимать «завет» в более широком значении как определенное соглашение между Богом и чтущим Его, в котором отмечается условие и обещание за его выполнение²⁵.

Завет в коптских текстах отличается более или менее устоявшейся формулой. В наших мученичествах он встречается довольно часто и представляет собой обещание от Господа помогать и вписать в книгу жизни тех, кто запишет данное мученичество, или построит освященное место в честь мученика, или будет заботиться об этом месте или поможет нуждающимся, или призовет имя святого в беде, или назовет ребенка в честь святого²⁶. Иногда в завете автор учитывает и тех, кто пренебрегает его исполнением. Например, в ММ того, кто будет служить при месте поклонения св. Макарию, Бог отдаст под покровительство святого, а того, кто будет пренебрегать этим святилищем, ждет вечный огонь²⁷. В некоторых случаях обещание дано перед самой казнью и тогда заменяет собой предсмертную молитву²⁸.

В МАН в завете мученику за запись мученичества св. Ануба обещается прощение даже смертных грехов²⁹. Та же награда для великих грешников отмечена в МТиЭ³⁰, МН³¹. В МПиФ³² ангел рассказывает св. Паэсе, как действует это правило. Человек выполняет все предписанное, после его смерти мученик, которому он молился, просит у Бога эту душу. Если на ней лежит вина за многие прегрешения, то ее отправляют на пытки. После этого душа возвращается «белая, как снег» и поселяется со святым в его небесных чертогах. Невозможно не отметить здесь концепцию чистилища, т.е. веру в возможность посмертного очищения от грехов, которая восходит ко Второй книге Маккавеев³³. Возможно, именно поэтому Б.А. Тураев считал коптский завет еретическим³⁴.

²² The Encomium upon Saint George by Theodosius... 1888, f. 111.

²³ Франгулян 2012; Французов 2011; 2012.

²⁴ В МН и МШиБ завет вложен в уста святого в виде просьбы ко Христу.

²⁵ Например, соглашение между Богом и Авраамом, или между Богом и Моисеем (Быт. 17:1–16; Исх. 19:3–6 и др.).

²⁶ МФ f. 99^v–100^r; МЕв f. 61–62; МТиЭ f. 64–65; МПиА f. 57; ММ f. 76; МС f. 178; МА f. 83; МАН f. 247–248, 264; МН f. 28^v–29^v; МЧ f. 103–106; МПиФ f. 85–86; МШиБ f. 134.

²⁷ ММ f. 76.

²⁸ МПиА, ММ, МЧ, МН.

²⁹ МАН f. 264.

³⁰ МТиЭ f. 65.

³¹ МН f. 29^v.

³² МПиФ f. 79.

³³ 2 Макк. 12. 44–45: «...ибо, если бы он не надеялся, что павшие в сражении воскреснут, то излишне и напрасно было бы молиться о мертвых. Но он помышлял, что скончавшимся в благочестии уготована превосходная награда, – какая святая и благочестивая мысль! Посему принес за умерших умиловительную жертву, да разрешатся от греха».

³⁴ Правда, сам он не объясняет причины такой оценки завета. В своей работе по эфиопской агиографии, в которую завет перешел из арабо-коптской традиции, Б.А. Тураев (1902, 29) лишь немного касается этой темы.

В заветах отмечается особая настойчивость в призыве записывать тексты о мучениках, хранить их дома или дарить запись храму. Например, Юлий Акфахский, вокруг имени которого собран ряд произведений, оставляет записанные мученичества в своем доме, чтобы снискать благословение³⁵. Очевидно, целью завета мученику было побуждение паствы к определенным действиям, из которых главное – сохранение и переписывание текстов, ведь это способствовало широкому распространению почитания того или иного святого.

Похожий завет только не мученику, а святому встречается в таком апокрифе, как «Книга Иосифа плотника», которую относят к началу V в. Этот апокриф появился в Египте, языком первоисточника считается греческий. Однако коптский оригинал той части, где описывается сама смерть Иосифа, признается многими³⁶. В ней содержится завет святому и отмечаются все те пункты, которые станут общими местами для завета мученику: кто сделает приношение, раздаст милостыню в честь Иосифа, опишет его жизнь, назовет сына его именем, тот будет благоденствовать на земле, книга грехов его будет сожжена, никакого посмертного мучения он не претерпит и разделит с Иосифом 1000-летнее пиршество³⁷.

1000-летняя трапеза – один из важных элементов и более поздних заветов: на ней Господь будет возлежать рядом с праведником³⁸ или особо почитит его³⁹, или ему там будут прислуживать⁴⁰. Этот образ тысячелетнего пира встречается и вне завета: в МИ статуя прославляет мученика Исидора и говорит, что именно он созовет святых на 1000-летнюю трапезу⁴¹, в МЕв такая трапеза упомянута в видении св. Юста, правда, без обозначения ее «тысячелетней»⁴². С одной стороны, может показаться, что авторская мысль была навеяна упоминанием пира в Евангелии: «Царство Небесное подобно человеку царю, который сделал брачный пир для сына своего»⁴³, а его продолжительность исходит из видения Иоанна Богослова: «И увидел я престолы и сидящих на них, которым дано было судить, и души обезглавленных за свидетельство Иисуса и за слово Божие, которые не поклонились зверю, ни образу его, и не приняли начертания на чело свое и на руку свою. Они ожили и царствовали со Христом тысячу лет (курсив мой. – Ф.Л.)» (Откр. 20.4).

Однако, с другой стороны, в этом образе отмечается отголосок миллениаризма⁴⁴ (лат. millennium «тысячелетие»), сторонники которого верили в тысячелетнее царство Бога и праведников на Земле. Известно, что в Египте это учение распространилось около середины III в.⁴⁵ Сочетание тысячелетнего царства и пира, обещанное праведнику, обнаруживается в «Житии преп. Онуфрия Великого», написанном, скорее всего, в IV в. А.А. Войтенко видит в этом проявление миллениаристских идей в «аскетическом» виде⁴⁶. Таким образом, в монашеской среде это учение было одобрено. Использование образа 1000-летней трапезы в наших

³⁵ МД f. 263; МЧ f. 105.

³⁶ Klameth 1930; Perez 1991, 1373.

³⁷ Книга Иосифа Плотника 1914, 49–50; Французов 2011, 95.

³⁸ МАН f. 247.

³⁹ МС f. 178.

⁴⁰ ММ f. 76.

⁴¹ МИ f. 27^r.

⁴² МЕв f. 39.

⁴³ Мф 22. 2. См. также Мф 25. 1–13 (притча о неразумных девах); Прит 9. 1–6.

⁴⁴ Другое название этого учения – хилиазм (греч. χιλιάζ, «тысяча»).

⁴⁵ Подробнее о миллениаризме в Египте см. Войтенко 2010.

⁴⁶ Войтенко 2010, 106–107.

агиографических текстах VII–VIII вв. также доказывает это. Очевидно, их авторы вряд ли пытались тем самым доказать правоту милленаристов. В этом не было необходимости, этот образ настолько стал привычен и понятен, что уже благодаря нему лишний раз подчеркивалась святость мученика.

Достаточно интересной представляется в коптских циклах фигура упоминаемого выше Юлия Акфахского. В МЧ и МШИБ подробно излагается детали его биографии и деятельности⁴⁷. Его должность – помощник местного правителя, начальник над воинами. После того, как св. Шенуфе исцелил Юлиа от болезни, он стал тайно помогать заключенным христианам. Объясняется, почему гонения его не коснулись: Юлиа не принуждали к жертвоприношению. Однако с исторической точки зрения это маловероятно, ведь он занимал высокую должность.

Обычно Юлий Акфахский появляется в конце, получает наставления святого относительно места захоронения его тела, а затем заботится о мощах⁴⁸. Юлиа могут помогать слуги: в МД⁴⁹ и МЧ⁵⁰ им поручено перевезти тело святого в указанное место. В ЭМак⁵¹ упоминается сын Юлиа Акфахского, участвовавший в перенесении мощей мученика. В подражание Юлиа появляются и другие персонажи, заботящиеся о мощах. Это могут быть как родственники мучеников: например, Евлогий, брат Макария, в ММ⁵² – так и неизвестные люди: например, Сарапамон в МПиА⁵³, Самуил в МТиЭ⁵⁴, Ари⁵⁵ в МПиФ.

Здесь нельзя не вспомнить Иосифа Аримафейского, который приготовил тело Христа к погребению и похоронил в своей гробнице⁵⁶. В «Церковной истории» приводится свидетельство о диаконе Евсевии, будущем епископе Лаодикийском, что «Господь с самого начала послал сил и приготовил его мужественно служить исповедникам, находящимся в темнице, и погребать – с опасностью для себя – тела совершенных и блаженных мучеников» (Eus. Caes. Hist. eccl. VII. 11). Известно, что позднее в самом Египте в ведении епископов находились так называемые визитаторы – люди, которые помогали епископам в делах благотворительности, посещали нуждающихся и больных, скорее всего, заботились и об умерших⁵⁷.

В коптских текстах акцентируется, что когда Диоклетиан отошел от власти, христиане в Александрии продолжали сидеть в тюрьмах. Юлий попросил правителя отпустить их, но тот испугался, так как не имел на сей счет указаний сверху. Тогда Юлий с женой, детьми, сестрой и слугами присоединились к заключенным, и они сидели в темнице вплоть до прихода к власти Константина. После освобождения Юлий собрал в своем доме многих христиан и дал обет не пить вина и не мазать тело благовониями до дня смерти в память о гонениях. Некоторые верующие остались и жили там, другие ушли. Юлий же продолжал свою деятельность по сбору сведений и записыванию мученичеств: его слуги переписывали судебные документы, потом приносили их в дом своего господина на сохранение.

⁴⁷ МЧ f. 107–110; МШИБ f. 105, 116, 136–138.

⁴⁸ Например, МА f. 85, МАн f. 265, МЧ f. 99.

⁴⁹ МД f. 263.

⁵⁰ МЧ f. 102.

⁵¹ ЭМак f. 107.

⁵² ММ f. 80.

⁵³ МПиА f. 50–51, 58–59.

⁵⁴ МТиЭ f. 64, 67, 76–78.

⁵⁵ МПиФ f. 88.

⁵⁶ Мф 27. 57–60; Мк 15. 44–46; Лк 23. 50–53; Ин 19. 38–42.

⁵⁷ Лоллий (Юрьевский), архиеп. 1984, 72–73.

Таким образом, наряду с заботой о мощах, Юлий выполнял и другую функцию: он был собирателем сведений о мучениках, что напоминает деятельность Евсевия Кесарийского. Перу последнего принадлежат сочинения «О палестинских мучениках» и утраченное «Собрание мученических актов»⁵⁸. Хотя в первом произведении повествование идет от третьего лица, а тексты мученичеств объединены единым повествованием, однако роль Евсевия как собирателя информации отрицать невозможно.

Все это позволяет предположить, что фигура «помощника мучеников и собирателя сведений» имеет реальный прототип, а Юлий Акфахский вполне может быть реальным лицом, исторические данные о котором утеряны. В коптском синаксаре 22 тоте (19 сентября) отмечается память мученика Юлия Акфахского⁵⁹, который был казнен в период после правления Диоклетиана. Однако отдельного мученичества в его честь до нас не дошло. Как факт мученической кончины Юлия соотносится с упоминанием о его обширной деятельности после окончания гонений, непонятно. Из богослужебных текстов ясно, что существовал духовный центр с церковью в честь этого святого, куда стекалось много паломников⁶⁰. Однако Т. Орланди считает, что Юлий – не историческое лицо, этот персонаж был выдуман достаточно поздно для объединения разных текстов⁶¹. Очевидно только одно: Юлий занял свою нишу в сонме святых и широко почитался в коптской традиции.

Помимо эдикта о 70 идолах, завета мученику и появления такого персонажа как Юлий Акфахский, в текстах отмечаются оригинальные повороты известных сюжетов и мотивов. Например, в мученичествах засвидетельствовано такое развитие сюжета, в котором гонитель согласует свои действия со святым. В МЕв правитель, узнав в Евсевии известного военачальника, предварительно спрашивает у святого, как ему поступить, и затем подвергает Евсевия пыткам⁶². В МФ солдаты сомневаются, убивать ли святого, но в то же время боятся гнева правителя, и лишь одобрение самого мученика разрешает ситуацию⁶³. Эти сюжеты показывают читателю, что, несмотря на подчиненное положение мученика, события развиваются по его «сценарию».

Частью коптского канона мученичества становится частое явление Христа с сопровождающими Его: по левую сторону архангелом Гавриилом, а по правую – архангелом Михаилом⁶⁴. Появление архангела Гавриила объясняется его ролью в Новом Завете⁶⁵. В МАН место по правую сторону от Господа как один из своих атрибутов архангел Михаил сам засвидетельствовал в речи к мученику Анубу⁶⁶. Почитание этого архангела было очень распространено в Египте, в нем копты видели особого предстателя за свою родину. Это подтверждается, например, тем, что архангелу Михаилу приписывается трехдневное ходатайство перед Богом о

⁵⁸ Ястребов 2008.

⁵⁹ Le Synaxaire arabe... 1904, 288–292.

⁶⁰ См. подробнее: Youssef 2010, 151–196.

⁶¹ Orlandi 1991, 1196. А. Еланская и А. Папаконстантину придерживаются мнения, что Юлий Акфахский был одним из самых ранних персонажей циклов (Еланская 1984, 361; Papaconstantinou 2011, 329).

⁶² МЕв f. 59–60.

⁶³ МФ f. 98^v–99^r.

⁶⁴ МАН f. 247, 264; МЕв f. 42; МПиА f. 31, 57.

⁶⁵ Он принес благою весть Деве Марии (Лк 1. 28–33).

⁶⁶ МАН f. 241.

разливе Нила и о дожде, которое настолько занимает его, что в это время никто не может рассчитывать на его помощь⁶⁷.

Одна из самых главных наград за мучения – это венец от Бога. Коптским мученикам их обещано даже не по одному: по три венца – Анубу⁶⁸ (за изгнание, пролитую кровь, мучения), Пироу и Атому⁶⁹ (за изгнание, целомудрие, мученичество), Пазсе и Фекле⁷⁰ (за изгнание, пролитую кровь, целомудрие), два венца – Шенуфе и братьям⁷¹ (за изгнание и мученичество). Таким образом, новой категорией для святости становится так называемое «изгнание». Коптские агиографы делают особый акцент на тех переживаниях и страданиях, которые ожидают будущих мучеников из-за того, что они в ходе судебного разбирательства вынуждены покинуть родные места (даже необязательно уезжая за пределы Египта).

Итак, рассмотренные нами сюжеты и мотивы можно отнести к тем, которые имеют своеобразие в коптской агиографической традиции⁷². В литературе после арабского завоевания центральное положение занимает мученик древней Церкви, появляются персонажи, выполняющие ряд определенных функций, общехристианские сюжеты и мотивы по-новому обыгрываются. Завет же мученику – это оригинальный коптский мотив. Таким образом, даже в этих памятниках невысокого художественного уровня можно выделить элементы, в которых проявился творческий подход коптских авторов VII–VIII вв.

Литература

1. *Аверинцев* и др. 1994: *Аверинцев С.С., Андреев М.Л., Гаспаров М.Л., Гринцер П.А., Михайлов А.В.* Категории поэтики в смене литературных эпох // Историческая поэтика. Литературные эпохи и типы художественного сознания. 1994. М., 3–38.
2. *Войтенко А.А.* 2010: Идеи миллениаризма в Египте I–IV вв. // Диалог со временем. 33. М., 86–109.
3. *Еланская А.И.* 1984: Коптская литература // История всемирной литературы. Т. 2. М., 360–364.
4. *Каждан А.П.* 2012: История византийской литературы (850–1000 гг.): Эпоха византийского энциклопедизма / Пер. с англ. Д.Р. Абдрахманова и др. СПб.
5. Книга Иосифа Плотника 1914: Книга Иосифа Плотника // Апокрифические сказания о Христе. Вып. 3. СПб., 9–66.
6. *Лоллий (Юрьевский), архиеп.* 1984: Александрия и Египет // Богословские труды. Т. 25. М., 57–153.
7. *Тураев Б.А.* 1902: Исследования в области агиологических источников истории Эфиопии. СПб.
8. *Тураев Б.А.* 1920: Египетская литература // Памятники мировой литературы. М., 317–332.
9. *Франгулян Л.Р.* 2012: Специфика коптских энкомиев периода циклов (VII–VIII вв.) // Вестник ПСТГУ. Серия III. Филология. 3 (29). М., 46–56.
10. *Франгулян Л.Р.* 2013: Место агиографических циклов (VII–VIII вв.) в коптской литературе // Вестник ПСТГУ. Серия III. Филология. 5 (35). М., 86–96.
11. *Франгулян Л.Р.* 2014: Древнеегипетские рудименты в коптской литературе // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. № 1, 90–96.
12. *Франгузов С.А.* 2011: Завет святому в арабо-коптском житии Иоанна Каливита // Вестник ПСТГУ. Серия III. Филология. 4 (26). М., 87–95.
13. *Франгузов С.А.* 2012: Арабский православный агиографический сборник из библиотеки Румынской академии и проблема происхождения завета святому // Вестник ПСТГУ. Серия III. Филология. 3 (29). М., 57–72.

⁶⁷ «Энкомий архангелу Михаилу» Евстафия Фракийского f. 157.

⁶⁸ МАН f. 264.

⁶⁹ МПиА f. 58.

⁷⁰ МПиФ f. 80–81.

⁷¹ МШиБ f. 107.

⁷² Кроме того, в коптских мученичествах выделяются древнеегипетские рудименты. См. подробнее: Франгулян 2014.

14. *Ястрембов А.* 2008: Евсевий // Православная энциклопедия. Т. 17. М., 252–267.
15. *Anderson H.* 1992: Maccabees, Books of: Fourth Maccabees // *The Anchor Bible Dictionary* / D.N. Freedman (ed.). Vol. 4. N.Y., 452–454.
16. *Berg-Onstwedder G., van den.* 1990: Diocletian in the Coptic Tradition // *Bulletin de la Société d'Archéologie Copte.* № 29, 87–122.
17. *Delehaye H.* 1909: Les légendes grecques des saints militaires. P.
18. *Delehaye H.* 1921: Les passions des martyrs et des genres littéraires. Bruxelles.
19. *Fischer Th.* 1992: Maccabees, Books of: First and Second Maccabees // *The Anchor Bible Dictionary* / D.N. Freedman (ed.). Vol. 4. N.Y., 439–450.
20. *Klameth G.* 1930: Über die Herkunft der apokryphen “Geschichte Josephs des Zimmermanns” // *Angelos.* Vol. 3. Lpz, 6–31.
21. *Le Synaxaire arabe...* 1904: Le Synaxaire arabe jacobite (Mois de Tout et de Babehe) / R. Basset (ed.) // *Patrologia orientalis.* T. 1. P., 223–379.
22. *Orlandi T.* 1991: Hagiography, Coptic // *The Coptic Encyclopedia* / Aziz S. Atiya (ed.). Vol. 4. N.Y., 1191–1197.
23. *Papaconstantinou A.* 2005: Aux marges de l’empire ou au centre du monde? De l’Égypte des Byzantins à celle des historiens // *Journal of Juristic Papyrology.* 35, 195–236.
24. *Papaconstantinou A.* 2006: Historiography, Hagiography, and the Making of the Coptic «Church of the Martyrs» in Early Islamic Egypt // *Dumbarton Oaks Papers.* 60, 65–86.
25. *Papaconstantinou A.* 2011: Hagiography in Coptic // *Ashgate Research Companion to Byzantine Hagiography* / S. Efthymiadis (ed.). Vol. 1. Periods and Places. Aldershot–Burlington (VT), 323–344.
26. *Perez G.A.* 1991: Joseph the Carpenter // *The Coptic Encyclopedia* / A.S. Atiya (ed.). Vol. 5. N.Y., 1371–1374.
27. *The Encomium upon Saint George by Theodotus...* 1888: The Encomium upon Saint George by Theodotus, Bishop of Ancyra // *The Martyrdom and Miracles of Saint George of Cappadocia* / E.A.W. Budge (ed., transl.). L., 83–173 (text); 274–331; f. 106–172 (transl.).
28. *The Martyrdom of Saint George...* 1888: The Martyrdom of Saint George // *The Martyrdom and Miracles of Saint George of Cappadocia* / E.A.W. Budge (ed., transl.). L., 1–37 (text), 203–235 (transl.); f. 3–82.
29. *Youssef Y.N.* 2010: Coptic Bohairic liturgical texts relating to Abbā Samuel of Kalamūn and Julius of Akfahs // *Collectanea Christiana Orientalia.* 7, 151–196.

Список сокращений

Сокращение	Текст	Издание текста и перевод; рукопись
МАН	«Мученичество св. Ануба»	– <i>Martyrium S. Apa Anub</i> // <i>Acta martyrum</i> (далее – ActMar) / I. Balestri, H. Hyvernât. Parisiis (Ed., transl.). 1907. Textus. Vol. 1. P. 200–241 (text); 1908. Versio. Vol. 1. P. 123–147 (Lat. transl.) – Vat. Copt. 66, f. 233–268
МА	«Мученичество св. Ари»	– <i>Martyre du saint Apa Ari</i> // <i>Les actes des martyrs de l’Égypte</i> (далее – LesAct) / H. Hyvernât (Ed., transl.). P., 1886, 202–224 (text; fr. transl.) – Vat. Copt. 61, f. 69–86
МД	«Мученичество св. Дидима»	– <i>Martyre du saint Apa Didyme</i> // <i>LesAct.</i> , 284–303 (text; fr. transl.) – Vat. Copt. 62, f. 253–263
МЕВ	«Мученичество св. Евсевия»	– <i>Martyre de saint Eusèbe</i> // <i>LesAct.</i> , 1–40 (text; fr. transl.) – Vat. Copt. 58, f. 36–64
МИ	«Мученичество св. Исидора»	– <i>Les Actes du martyre de saint Isidore</i> / H. Munier (Ed., transl.) // <i>Bulletin de l’institut français d’archéologie orientale.</i> 1918. Vol. 14, 101–190 (text; fr. transl.) – Рукопись из собрания Коптского музея в Каире, f. 1–65
ММ	«Мученичество св. Макария»	– <i>Martyre de saint Macaire</i> // <i>LesAct.</i> , 1–40 (text; fr. transl.) – Vat. Copt. 59, f. 58–84

МН	«Мученичество св. Набраха»	– Nouveau martyr copte saint Nabraha / H. Munier (ed., fr. transl.) // Bulletin de l'institut français d'archéologie orientale. 1918. Vol. 15, 230–259 (text; fr. transl.)
МПиФ	«Мученичество вв. Паэсе и Феклы»	– Рукопись из собрания Коптского музея в Каире, f. 1–20 – Martyrdom of ss. Paese and Thecla // Four Martyrdoms from the Pierpont Morgan Coptic Codices (далее – FM) / J.W.B. Barns, E.A.E. Reymonds (ed., transl., introd., comm.). Oxf., 1973, 31–79 (text); 151–184 (Eng. transl.)
МПиА	«Мученичество свв. Пироу и Атома»	– M 591, f. 49–88 – Martyrologe de saint Piroou et de Athom // LesAct., 135–173 (text; fr. transl.)
МС	«Мученичество св. Сарапамона»	– Vat. Copt. 60, f. 22–60 – Martyre du saint Apa Sarapamon // LesAct., 304–331 (text; fr. transl.)
МТиЭ	«Мученичество свв. Тера и Эраи»	– Vat. Copt. 63, f. 173–188 – Martyre de saint Apater et d'Irai // LesAct., 78–113 (text; fr. transl.)
МФ	«Мученичество св. Филофея»	– Vat. Copt. 63, f. 55–78 – ΤΜΑΡΤΥΡΙΑ ΜΣΑΓΙΟΣ ΕΤΟΥΑΑΒ ΑΠΑ ΦΙΛΟΘΕΟΣ Bibliothecae P. Morgan codices coptici photographice expressi. Roma, 1922. T. 41, 149–204
МЧ	«Мученичество св. Чамула»	– M 583, f. 75–102 – Apa Chamoul // Coptic Texts on Saint Theodore the General / E.O. Winstedt (ed., transl.). L.–Oxf., 1910, 175–188 (text); 200–211 (eng. transl.)
МШиБ	«Мученичество св. Шенуфе и его братьев»	– Martyrdom of s. Shenoufe and his brethren // FM., 81–127 (text); 185–222 (eng. transl.)
ЭМак	«Энкомий св. Мак-робию» Мины, епископа Пшати	– M. 583, f. 103–138 – Panégyrique du Abba Macrobe // LesAct., 225–246 (text; fr. transl.) – Vat. Copt. 38, f. 90–107

THE REFLECTION OF ANCIENT CHRISTIAN THEMES AND MOTIFS IN COPTIC MARTYRDOMS

Lilia R. Frangulyan

The article analyzes specific features of the Coptic hagiographic tradition whose literature was based on Greek patterns but still remained unique. Characters, themes and motifs in question represent an original remake of Christian 'topoi' by Coptic hagiographer.

Keywords: Coptic hagiographic cycles, Diocletian's edict, covenant of a saint, Julius of Aqfahs, martyr of ancient Church.

Institute of Oriental Studies,
Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

8liya8@rambler.ru